

*Моей сестричке Светлане,
вдохновляющей меня
на многое,
посвящается с любовью.*

Аэропорт местный был небольшой, симпатичный и какой-то на удивление уютно-домашний; это ощущение домашности и невидимой приветливой улыбки Настасья еще по прилете отметила про себя и все непроизвольно улыбалась в ответ.

Расположился местный аэропорт, как и подобает, за городом, но виден был издалека, приветливо и радостно посверкивая на солнышке чистенькими, свежотремонтированными фасадами, словно похваляясь новеньким праздничным нарядом.

Как объяснила ей Валерия Яковлевна, встречавшая ее, в прошлом году аэропорт отремонтировали основательно, что-то даже модернизировали в нем и в системах обслуживания, в свете каких-то там серьезных новых авиационных стандартов и требований, однако это все равно мера временная, поскольку требуется полная реконструкция по современным технологиям и параметрам. Что и планируется сделать в ближайшее же время.

— И уж стройку налаживают, видите там, — она указала рукой вправо за взлетную полосу на ангары и постройки. И похвалилась: — От так.

А как же. И у нас тут цивилизация и эти самые, как их, господи прости, называют-то по-современному... — наморщила она лоб, вспоминая, и улыбнулась, таки вспомнив, — инновации. О!

Рассказывала она про дела и новости городские обстоятельно, делилась с удовольствием, как человек, знающий, о чем говорит, и радующийся таким делам грядущим.

Впрочем, практически все жители этого маленького городишки про все, что происходило в нем, знали доподлинно и из первых рук, а сам мэр раз в неделю выступал по местному телевидению и подробно докладывал о городских делах.

В том, что любая информация распространяется здесь со скоростью лесного пожара, Насте пришлось удостовериться на собственном примере — стоило ей прилететь и поселиться в гостинице, как уже через час практически весь город был оповещен о том, кто она, откуда прибыла, по каким надобностям к кому приехала. О ней и цели ее приезда даже по радио передали в местных новостях как о некоем важном событии.

Одуреть!

А еще здесь все здоровались друг с другом, даже незнакомые люди.

И улыбались при этом! Улыбались, представляете, радушно, открыто, словно ты их родственник любимый или давнишний друг-товарищ! Это вообще что-то, как в другое измерение попала.

Хотя... может, и попала. Тут вообще все не так, как в других краях, а уж тем более в столице. Она, столица та самая, дале-е-екая и важная, как-то там сама по себе важно раскинулась, а жизнь, насыщенная и настоящая, она вот здесь, например.

Север. Полярный круг. Якутия.

И этого Севера и Полярного круга с Арктикой за ним как-то очень до хрена, уж извините, и на-а-а-много побольше будет, чем какой-то там Москвы с Питером, вместе взятых, со всеми их понтами и представлениями о жизни.

Это не Настины мысли и высказывания, она в такие размышления не пускалась. Это практически прямая цитата из речи Темыча, как его все называли, соседа Валерии Яковлевны, разъясняющего со смешком, улыбочкой и проскальзывающим, завуалированным матком почти столичной Настасье реальности того непростого места, куда она попала.

Не в сказку, но близко.

За три дня пребывания она «калориту» этого, как говаривал тот же упомянутый сосед Валерии Яковлевны Темыч, набралась с лихвой и, знаете, с радостью — так ей нравились эти люди, их городишко, их жизнь. И это ощущение чего-то сильного, настоящего, мощь этого необъятного края, чувствующаяся здесь во всем...

Что-то как-то ее того... занесло в непонятный пафос, или ей просто было здесь хорошо? И люди замечательные встречались — а, вот это точно!

Или это от возникшей уверенности, что с ее важным, главным делом все обязательно сладится и получится наилучшим образом, раз за него взялась с таким энтузиазмом Валерия Яковлевна. Ладно, занесло и занесло. А насчет дела своего рановато она обрадовалась — непростое оно, дело это, времени и терпения требует. Посмотрим, как там будет и что получится.

Теперь она вот улетает.

Но утверждение «улетает» слишком оптимистичное, а произойдет ли это на самом деле, — под большим сомнением.

— Как бы погода не поменялась, — задумчиво произнесла Валерия Яковлевна, когда они прощались, тревожно глядя на горизонт.

Настя тоже посмотрела на горизонт следом за ней и ничего, кроме чистого синего бескрайнего высокого неба, не обнаружила.

— Суставы с утра крутит, — пояснила Валерия Яковлевна, — а это всегда к непогоде, резкой и затяжной. — И улыбнулась ободряюще: — Но, даст бог, улетите, успеете.

Они очень тепло попрощались, наверное, в сотый раз напоследок обсудив их дело, и Настя отправилась в гостиницу собираться, а оттуда, вызвав такси, поехала в аэропорт.

Людей в зале ожидания оказалось неожиданно много.

Ну, как много — полным-полно! Все кресла были заняты как людьми, так и их вещами — чемоданами-баулами, и у стен кое-кто на своих вещах на полу пристроился сидеть, а то и спать. В единственном малюсеньком кафе выстроилась длинная очередь к прилавку, и все столики были плотно заняты людьми, которые явно надолго здесь обосновались.

Настя протиснулась между потоками мигрирующих по залу людей к экрану расписания и с унынием просмотрела информацию о задержке практически всех рейсов.

Ох, не зря у Валерии Яковлевны суставы крутит, ох, не зря!

Это она поняла еще по дороге в аэропорт, заметив из окна такси темную массу облаков, появившихся на горизонте, а ведь еще час назад небо было чистое, как слеза.

Но пока все было непонятно и туманно — на табло не высвечивалась информация, на сколько конкретно задерживают ее рейс, может, еще и улетит, хотя даже регистрацию не объявили.

Она покружила по залу, выглядывая, может, найдется где местечко, чтобы присесть. И все неосознанно поворачивалась назад, поглядывая время от времени на свой багаж, удивляясь, что как-то непривычно тянуть за собой лишь небольшой стильный чемоданчик на колесиках и не нужно бесконечно

беспокоиться о хрупком, нежном и нестандартном грузе, суетясь вокруг него и по тысяче раз напоминая грузчикам, как с ним следует обращаться.

Сколько она с этим грузом пропутешествовала, намучившись, изнервничавшись вся от не проходящего ни на минутку переживания: как он там? Ну, тысячи километров точно, через четыре города, в разных концах Якутии. А еще и до нее самой, до Республики Саха этой самой, загадочно-просторной, добиралась.

А тут вдруг раз, и никаких напрягов — простой багажик, и все дела. Непривычно совсем и странно-вато как-то.

Но все, домой теперь. Ну, почти домой.

Настасья заприметила одно свободное кресло и торопливо принялась пробираться к нему через горы сумок, чемоданов, людей, ноги, играющих тут же детей, пока кто-то другой не опередил и не занял место.

На самом-то деле кресло было, скажем так, условно свободным, потому как в соседнем устроился сразу же не понравившийся и сильно настороживший ее индивид мужского пола — вытянув вперед и положив одна на другую ноги, скрестив руки на груди, засунув ладони под мышки, укутавшись до макушки в поднятый меховой воротник теплой летней куртки, в которую был облачен, спал себе мирно здоровый такой мужик. А рядом с ним на соседнем сиденье, том самом, которое и присмотрела для себя

Настена издалека, стояла здоровенная брезентовая сумища в форме вытянутого толстого цилиндра.

Такой армейский баул Настя однажды видела, когда к ним в институт прямо с аэродрома завалился муж ее коллеги, офицер каких-то там необыкновенных войск. Так вот у него был точно такой же цилиндр, он еще тогда объяснил заинтересовавшейся странной конструкцией Насте, что цилиндр этот можно носить как сумку, а можно и как рюкзак.

Очень удобно и все в нем, в этом чудо-бауле, продумано грамотно для укладки багажа. Муж коллеги еще долго расписывал какие-то еще там неоспоримые достоинства обыкновенного на вид тряпичного изделия, оказавшегося на удивление вместительным.

Вот перед такой вот цилиндрической штуковиной Настя и остановилась в некотором замешательстве.

Первым делом она попыталась воззвать к совести гражданина.

— Товарищ, — чуть наклонившись поближе, твердо обратилась она к спящему субъекту, не отреагировавшему на ее призыв. — Товарищ, — повторила Анастасия более настойчиво и даже руку протянула, но не рискнула все же его тормошить, лишь попросила довольно громко: — Будьте добры, уберите свои вещи с сиденья.

Ноль реакции. Собственно, что и требовалось ожидать.

— Ну, ладно, — пробурчала она еще более решительно и принялась стаскивать с кресла баул.

Получилось, разумеется, но оказалось тяжело. Что он туда насовал вообще? Вот что-то ей подсказывало, что вряд ли собрание сочинений Толстого Льва Николаевича или пару-тройку костюмов от итальянского Vioni и набор туфель ручной работы от Berluti.

Это она просто ворчала про себя и язвила от расстройства и постепенно крепнущего ощущения, что фиг она сегодня куда полетит, разве что вон мужик этот встрепенется ото сна и пошлет по конкретному направлению за такое самоуправство с его имуществом, да еще ускорения придаст пинками.

Все это невесело прокручивала в голове Настена, перетаскивая тяжелую сумищу с кресла на пол, крякнула тихонько от неожиданности, когда пришлось придержать баул в момент отрыва его от сиденья, быстренько стрельнула взглядом на мужика — не увидел ли, как она нелюбезно с его вещичками тут обращается.

Не, не увидел — спал себе, не обращая на ее возню никакого внимания.

Ну и хорошо, и спи, дядечка, чего уж теперь.

Она уселась на освободившееся место, огляделась по сторонам и осторожненько так ножкой, ножкой, чтобы никто не заметил, подвинула-подвинула конус баула в сторону мужика и тихо-о-онечко привалила его к бедру хозяина.

«Фу, ну все, — мысленно выдохнула Настасья, — пристроилась».

Поставила рядом с собой чемодан, уложила дамскую сумочку на колени и осмотрелась вокруг более спокойно и вдумчиво. Народу набилось в небольшом зальчике ожидания — не протолкнуться. Тут были и пассажиры на все задержанные рейсы, и встречающие. И пока ни одной регистрации не объявили, да и точной информации по задержкам не дали.

Ну что ж — сидим ровно, ждем.

Она вздохнула в унисон своим крепнущим сомнениям, повернула голову и посмотрела за большое окно слева от нее через три сиденья и проход у стены.

Так и есть, снова вздохнула она, утверждаясь в своих нерадостных предположениях — черной бедовой темнотой наползала, неотвратимо накрывая сизым брюхом городишко, метельная туча.

Не улетит она никуда сегодня, вот как пить дать не улетит, в третий раз вздохнула Настя и перевела взгляд от наглой черной захватчицы на небе на мирно спящего соседа.

Вот кому было все глубоко по фиг, так вот этому. Спит себе человек, посапывает — не храпит, а именно что посапывает, да так уютно, словно в кровати на перине устроился, а не на жестком сиденье аэропортного узкого креслица.

Настена уловила некий характерный запах, исходящий от него, и даже повела носом, чуть скло-

нившись к соседу, — ну, точно, выхлопец характерный исходит от товарища.

Совсем у человека все хорошо — выпил-закусил и спит себе. Никаких проблем!

Даже позавидуешь.

И пахло-то от него, надо заметить (от нечего делать принялась размышлять она, чтобы хоть чем-то занять голову и отвлечься от нерадостных мыслей), не водкой дешевой, настоящей на крепкой закуске из мяса-лука-чеснока, и даже не борщом с соленьями и не рыбой или еще чем традиционно закусочным, а чем-то хоть и явно спиртовым, но с легкими фруктово-цветочными нотками.

Эстет, что ли, какой, присмотрелась она к спящей фигуре с большим сомнением, но повнимательней, или одеколоном балуется?

Ни на эстета, ни на одеколонщика мужик похож не был даже по внешним, так сказать, признакам — одежда на нем из разряда дорогой простоты, добротная, дорожная, не из дешевых китайских, и чистая. И ботинки вон дорогие, известной фирмы, специально для полярных условий.

А больше ничего и не скажешь — лица-то не видно — просто здоровый выпивший мужик. Спит.

Тут что-то в «эфирах» аэропортных блымкнуло, народ мгновенно замер, как африканские сурикаты, которые застывают столбиками, заподозрив близкую опасность, и замолчал в ожидании приговора, так что повисла абсолютная тишина. И в этой тишине по

громкой связи объявили об отмене всех рейсов на неопределенный срок, о котором будет сообщено отдельно.

«Целуем, администрация», — уныло подумала, выслушав объявление, Настасья.

И тут неожиданно закопошился тот самый подозрительный сосед слева, как медведь в берлоге, почувствовавший весеннюю оттепель, — спал и спал себе беспробудно, уж как-то все привыкли вокруг, и вдруг на тебе — ожил, задвигался! Настя аж развернулась в его сторону, чтобы наблюдать дивное явление. А мужик извлек из-под подмышки ладонь-лопату, отогнул край воротника и внимательнейшим образом уставился на нее.

Из образовавшегося мехового отвала на Настю смотрела сильно помятая, с покрасневшими глазами, заросшая щетиной какая-то полубандитская рожа, с усиливающими эффект этой ассоциации сломанными, как у профессионального борца, ушами, прижатыми к черепу, с кривоватым носом, явно пострадавшим в какой-то давней драке, а то и не раз, с белым маленьким шрамом на лбу и коротко стриженными густыми, какими-то пегими, непонятного оттенка волосами, торчавшими из-под сдвинутой на затылок кожаной шапки с меховой подбивкой.

— Ну что? — обдав ее явственным фруктово-спиртовым амбре, с хрипотцой ото сна требовательно спросил мужик у Насти с некими нотками недовольного ворчания в голосе.

— Что? — Не ожидавшая такого нахрапа, она не успела решить, пугаться ей или еще подождать, и как-то само собой получилось, что подождать.

И уставилась в покрасневшие глаза на заросшей щетиной бандитской физиономии. И то ли с испугу, то ли отчего еще у нее как-то вдруг ощутимо так екнуло сердце, и стало жарко в животе.

А вдруг и правда бандит какой?

— А то, что накрылся наш полет, по ходу! — прохрипел он насыщенным полубасом, обдавая ее все тем же выхлопом.

— Господи боже, чем накрылся? — от растерянности и легкого испуга спросила Настасья, запоздало сообразив, что откровенно подставляется под грубость таким вот своеобразным вопросом.

У мужика тут же «всколыхнулась» вся мимика заспанного лица, брови начали приподниматься, на лице появилось натужное сожаление, он вдруг сделал непонятные пассы рукой в воздухе, изображая нечто невразумительное, и, сопроводив эти покручивания ладони движением головы, выдал с натугой:

— Как бы вам так... куртуазно объяснить, чем накрылся, барышня, — затруднился он с разъяснениями. — Вы же девушка... — что-то вновь попытался изобразить он помятым лицом, дополняя слова очередным жестом руки, — такая...

— Не надо куртуазно! — поспешила Настя остановить его потуги, протестуяще вытянув руку, и по-

торопилась исправить ошибку: — Вопрос был глупый. Извините.

— Вы это серьезно? — На лице мужика совершенно явственно изобразилось удивление.

— Что? — растерялась Настя.

— Да вот это «извините».

— Ну, что такое? — как-то враз расстроилась она от нелепости разговора.

А он кашлянул, обдав Настю в очередной раз своеобразным фруктово-ягодным амбре, отчего она непроизвольно слегка скривилась, удержавшись, однако, от демонстративного помахивания ладошкой.

Совсем ведь чуть-чуть и неосознанно скривилась, но мужик все же заметил это ее пусть и мимолетное выражение, прикрыл рот рукой, как бы извиняясь, и вдруг понес не пойми что:

— Пардоньте-с. Я вообще-то малопьющий. Ну бывает, так, по-мужски, компанией, или в праздники какие, это ж обязательно, все же Север у нас, не какой-нибудь кисель. Или на рыбалке там, на охоте. Но друзья вот провожали в отпуск, — и он тягостно вздохнул, — тут уж не отвертишься.

— Вы зачем мне это все говорите? — поразились Настасья столь прочувствованной оправдательной речи явно не страдавшего излишней скромностью незнакомца.

— Ну как же, — чистосердечно подивился он. — Вы такая девушка... — И тут вновь пошли непонятные выкрутасы рукой, видимо, в поисках

точного определения. — Барышня... Правильная... А я тут со своим простонародным выхлопом. Не-порядок.

Настя уставилась на него во все глаза, слушая столь красочную самоуничижительную тираду, и вдруг в один момент поняла, что все это стеб чистейший, что мужик с удовольствием «отрывается» и так «влегкую» веселит самого себя, развлекаясь над дамочкой приезжей.

И в этот момент ей стало отчего-то так спокойно, словно все непредвиденные трудности разрешились сами собой и теперь уж все обязательно наладится.

А еще она развеселилась по-настоящему, от всей души этому его мужскому стебу над столичной штучкой — а почему нет? А то она, понимаешь, «товарищ», и «вещи приберите», и ножкой-ножкой втихаря баульчик толкала от себя подальше, и вся такая «фи, боже мой!».

Ну а что, нет? Да. Есть такой момент.

И, чуть запрокинув голову назад, Настасья искренне, не сдерживаясь, расхохоталась.

И смеялась, смеялась аж до слезы.

А подуспокоившись немного, продолжая остаточное посмеиваться, посмотрела на соседа, так повеселившего ее, и хотела было что-то сказать ему про разыгранную сцену, похвалить даже, да так и не сказала.

Как споткнулась о непростой взгляд мужчины, пристально и чуть удивленно рассматривавшего ее с очень серьезным непонятым выражением. Было ясно, что

размышляет он именно что всерьез и над чем-то весьма важным, касающимся непосредственно ее.

«Ну вот еще! — подумалось Настасье. — С чего бы вдруг?»

Но насторожилась.

— Ну что? — с нарочитой бодростью спросила она, предпринимая попытку сгладить все недопонимания, возникшие на пустом месте, и избежать этого прямого изучающего взгляда незнакомца. — Чем бы там все ни накрылось, понятно, что мы уже никуда сегодня не полетим, но хотелось бы знать хоть приблизительно, когда же. Вы так не считаете?

Он порассматривал ее еще какое-то непродолжительное время все с тем же странным, очень задумчивым видом и, словно переключившись в один момент, взбодрился — подтянул ноги, сел ровно, отогнул совсем воротник и расправил его, стянул с головы шапку, затолкал ее в карман куртки и потер голову пятерней (видимо, подразумевалось, что таким образом «причесал» короткие жесткие волосы). Настю в очередной раз поразила сложная мимика его лица, оно вдруг как-то неохотно помялось, пошло волнами, и губы таки соизволили сложиться в подобие более-менее приветливой улыбки.

— Ну, давайте узнаем когда, — кивнул он, словно согласился с ее навязчивым предложением.

И неожиданно поднялся с кресла, оказавшись на самом деле здоровым, крепким мужиком, потянулся эдак всем телом, как большой опасный зверь, сделал

пару резких движений локтями назад, разминая затекшие мышцы, покрутил головой, потер с силой шею, видимо, затекшую во время сна в неудобной позе, легко подхватил и закинул на плечо свой баул-цилиндр и предложил:

— Ну что, красавица, сидите? Идемте узнаем действительно, сколько нам тут чалиться.

— Что делать, простите? — переспросила она, не сообразив сразу, что это за жаргон.

— Сидеть в смысле, — хмыкнул он, поясняя, и протянул ей открытую ладонь.

Добротная такая мужская ладонь оказалась, с застарелыми мозолями, не грузчика портового, но человека, не чурящегося делать что-то своими руками. Может, и что-то тяжелое. Бог знает, не эксперт она в мужских мозолях, ей все больше нежно-интеллектуальные индивиды попадались.

Она так посидела-посидела, посмотрела-посмотрела на эту его протянутую, ожидающую руку и решительно вложила в нее свою ладошку.

— Давайте узнаем, сколько чалиться, — передразнила она его.

А мужик снова хмыкнул, и на этот раз Настя отчетливо поняла, что хмыкнул он по поводу ее такой смелой решительности.

Мягко ухватив ее ладонь, он повел Настасью между рядами сидений, обходя людей, их вещи, сумки, детей, чемоданы. А после первого же «затора», через который они пробирались, молча перехватил у Насти

ее чемоданчик. И как оказалось, направлялся он совсем не в сторону справочного окошка, у которого уже выстроилась большущая толпа, перегородившая ближайшие проходы, а к одной из стоек регистрации, за которой две девушки в форменной одежде аэропорта заполняли и проверяли какие-то бумаги.

— Девоньки мои дорогие! — задорно обратился к ним мужик. — Красавицы мои! Мы тут вам вещички ненадолго оставим. Присмотрите, лады?

Настя от такой простоты несколько оторопела, притормозив даже слегка, ожидая, что их прямо сейчас легко и ненавязчиво пошлют в определенном при таких топорных заходах направлении, но ошиблась.

Девушки как по команде, одновременно оторвавшись от бумаг, которыми занимались, подняли головы, посмотрели на говорившего и так же одновременно расплылись в добрейших лучезарных улыбках.

«Чудеса-а-а», — подумалось Настене.

— Конечно, конечно, Максим Романович, — старательно уверила одна из них, очень приятная якуточка.

— Мы к Петровичу ненадолго, — пояснил мужчина, неожиданно оказавшийся Максимом Романовичем, которому так очаровательно улыбаются девушки, скинул с плеча свою сумку и поставил за стойку вместе с Настиным чемоданом. Бросив взгляд на бейджик, приколотый на обшлаге форменного пиджачка девушки, он попросил:

— Оленька, ты нам двери открой, чтобы я никого не тревожил.

— Идемте, — сразу же радостно согласилась та самая красавица якуточка, вышла из-за стойки и поспешила вперед.

— Максим Романович, — продолжая улыбаться, обратилась девушка к мужику, семена чуть впереди, отчего ей приходилось оборачиваться, — за чем вы в общем зале устроились, могли же в ВИПе отдохнуть...

— Да ничего, Оленька, мне так привычней, — уверил товарищ, все больше настораживавший Настю тем, что так неожиданно оказался личностью не рядовой.

По крайней мере в этом аэропорту не рядовой.

Пока она предавалась размышлениям о странной приветливости персонала к этому мужику с откровенно криминальной внешностью, они, довольно быстро продвигаясь за девушкой Олей сквозь людское ну если не море, то озеро уж точно, пришли к дверям с надписью крупными красными буквами «Служебный вход». Красавица Ольга достала из кармана карточку, провела ею по щели считывающего устройства кодового замка и распахнула перед ними дверь:

— Проходите.

За дверью обнаружился длинный коридор с ответвлениями направо и налево и множеством других дверей. Они же прошли вперед до конца коридора, там Ольга открыла им еще одну дверь карточкой-

ключом, пропустила вперед, но с ними дальше не пошла.

— Михаил Петрович должен быть у себя, — продолжая улыбаться исключительно мужчине и старательно игнорируя Настю, сказала Ольга.

Да ладно, такие мелочи Настю никогда не задевали и по большому счету не интересовали. Все правильно девушка делает — непонятно же, что это за фифа такая рядом с этим самым Максимом Романовичем образовалась, уделяй ей тут внимание. С какого, извините...

— Спасибо, Оленька, большое, — искренне поблагодарил мужчина, широко улыбаясь в ответ.

Надо заметить, сделал он это легко, без той тяжелой натужности, с которой улыбался Насте после пробуждения всего несколько минут назад.

Он вновь ухватил ее за руку и потащил за собой по лестнице на второй этаж. Там они прошли какими-то коридорами, куда-то свернули и остановились перед дверью с солидной табличкой на ней, гласившей, что отгораживает и охраняет она от посетителей и подчиненных начальника аэропорта города Викторова Михаила Петровича.

Вот так вот.

Максим — тот, который Романович, — коротко стукнув разок, сразу же распахнул дверь и вошел, подтянув за собой и Настю.

— Петрович, это я, — по-простецки представился он.

— Максим! — отозвался мужчина в летной форме, сидевший за столом, и приветливо махнул рукой, поднимаясь с кресла. — Заходи, заходи!

На вид Настасья определила начальнику аэропорта около пятидесяти лет — крепкий такой дядечка, среднего роста, с небольшим животиком лишь намеком, с приятным простым открытым лицом, с явными чертами якутской примеси к европейскому разливу, с большими залысинами на лбу.

— Ну, и чего ты в общий зал потащился? — попенял он, подходя к посетителям и протягивая руку Максиму Романовичу. Мужчины встретились крепким рукопожатием, а Викторов продолжил пеньять: — Нормально бы хоть поспал часок-другой, пока все не прояснилось.

— Да ерунда, Петрович, — отмахнулся Максим Романович и спросил: — Ты мне лучше скажи: надолго эта кутерьма? Что метеорологи?

— Да что метеорологи, — скривился недовольно Михаил Петрович. — Сам видишь, — и он махнул рукой в сторону окна, — вон уж и крутить начало, и снег полетел. Сутки, говорят, точно. Эмчеэсовцы же утверждают, что не меньше двух. Значит, точно суток на двое закрутило.

Снег.

Настя тут же ужасно расстроилась — снег — это не очень хорошо, может, и совсем плохо для ее важного дела. Она подошла к окну и посмотрела наружу: и вправду снег, пока лишь небольшими редкими

белыми росчерками наискось от неба к земле, но бог знает, что будет дальше.

Бог знает. Ох, как это нехорошо-то, что снег, уткнулась она лбом в стекло.

— А ты, смотрю, с девушкой? — вопросительно-намекающим тоном, каким умудряются обмениваться информацией мужчины, не говоря ничего прямо, произнес хозяин кабинета.

Спрашивал, пока они оба с любопытством наблюдали, как Настасья, моментально позабыв обо всем на свете, в том числе и о них двоих, задумчиво подошла к окну. Своим вопросом Михаил Петрович напомнил о себе.

— Да, вроде бы, — неопределенно, с явным сомнением протянул Максим Романович и переспросил у нее: — Девушка, я с вами?

Она вздохнула своим тревожным мыслям, повернулась от окна, посмотрела на мужчин поочередно и пожала плечами.

— В данной ситуации скорее я с вами, — внесла уточнение Настя.

— Ну, вот и хорошо! — обрадовался чему-то Михаил Петрович и тут же активно пояснил чему: — Я сейчас Валюхе позвоню, она быстренько пельменей, струганинки с оленинкой наладит, стол организует и баньку затопит. Посидим вечерком, поговорим неспешно.

— Можно, я уже пойду? — спросила Настя, чувствуя себя школьницей, мнущейся от неудобства в директорском кабинете.

— Куда же вы пойдете, девушка? — удивился Виктор.

— Ну как? — не поняла она его столь явного удивления и растолковала: — В гостиницу.

— Да какую гостиницу! — энергично махнул тот рукой и попенял даже: — Ну что вы! К нам, к нам. Мы вам самое лучшее место предоставим, со всем комфортом.

Настя оторопела от такого неожиданно грянувшего гостеприимства.

— Нет, нет! — всполошилась она. — Что вы! Мне в гостиницу.

— Как же так? — кажется, даже расстроился начальник аэропорта и вопросительно посмотрел на Максима.

— Спасибо большое за приглашение, — зачистила словами Настя, торопясь поскорей разделаться с дурацкой ситуацией, в которой не пойми каким образом оказалась. — Я знаю, что у вас тут на Севере все люди очень радушные и гостеприимные. Это у вас такая традиция. — Она смотрела на мужчин, которые с задумчивыми серьезными лицами выслушивали ее бляение, и на всякий случай уверила со всем жаром: — Хорошая традиция. Правильная, очень уважительная. — И, не сдержав жалобно-просительной нотки в голосе, поинтересо-

валась: — Ну, я пойду? — и махнула ручкой в направлении двери. — Пока там все такси не разобрали.

— Не, Петрович, — сказал вдруг Максим Романович. — Извини, в другой раз посидим-поговорим, примем как полагается и разносолов твоей Валюхи отведаем, обещаю. — И кивнул подбородком на Настю: — Ты же видишь, какая у меня тут девушка, за ней надо ухаживать-переухаживать. Поедем мы в гостиницу, — и протянул руку для прощального рукопожатия.

— Не надо за мной ухаживать! — испугалась новой напасти Настена. — И переухаживать уж тем более! Что вы еще придумали такое!

— Ну как же не надо, — возразил он. — А если заметет на несколько дней, вас же занять чем-то нужно.

— Святые угодники! — окончательно рассердилась Настена. — Я с вами с ума сойду!

И демонстративно-решительно направилась к двери, правда, вовремя вспомнила о хорошем тоне и спохватилась:

— Ох, извините, Михаил Петрович!

Она направилась в сторону мужчин, застывших посреди кабинета, и, протянув руку Викторову, пожала и потрясла его ладонь. — Спасибо большое за гостеприимство и вообще. — И вдруг вспомнила кое о чем: — А как вы оповестите пассажиров о возобновлении полетов?

— Ну-у-у, — ошарашенно протянул тот. — Если вы в гостиницу... — И быстро вопросительно взглянул на друга-приятеля, что-то там увидел в его лице, снова перевел взгляд на Настю и уточнил: — Вы же в «Национале» остановитесь?

Она кивнула головой в том смысле, что в нем, в «Национале», да.

— Мы оповестим заранее администрацию гостиницы, чтобы они передали всем постояльцам, и еще пришлем эсэмэс-сообщение на ваш телефон.

— Спасибо, — поблагодарила Настасья, тряхнув еще раз его ладонь, которую так и держала, а осознав этот факт, тут же отпустила, словно ошпарилась, и, немного смутившись, заспешила попроситься: — До свидания, Михаил Петрович, приятно было с вами познакомиться.

— Действительно, — подал вдруг голос Максим Романович, — пойдём мы, Петрович, пока и на самом деле все такси не разобрали.

И торопливо пожав еще раз руку Викторову, поспешил за Настей, которая гордо шествовала вперед, полностью игнорируя его персону.

— Ну ладно, — с сомнением в голосе согласился Викторов. — Коли ты так решил... — и предупредил с нажимом: — Но Валюха обидится, так и знай.

— Передай ей, что я ее люблю и в следующий раз я весь ваш! — на ходу торопливо проговорил Максим.

Настя было вышла из кабинета и даже сделала несколько решительных шагов по коридору, когда вдруг неожиданно остановилась так, что спешивший сзади мужчина чуть не налетел на нее, в последний момент успев среагировать и резко затормозить.

— Что такое? — спросил он недоуменно.

Она, проигнорировав его вопрос, развернулась и ринулась назад, распахнула двери только что покинутого кабинета и с порога обратилась к еще не успевшему вернуться в начальственное кресло Викторову:

— Простите, Михаил Петрович, вы мне не объясните один момент?

— Да, конечно, — несколько стусевавшись от столь стремительного появления и напора непонятной девицы, пообещал он.

— Спасибо, — кивнула Настя и спросила: — Скажите, пожалуйста, а это вообще кто?

И, развернувшись, ткнула указательным пальцем в сторону застывшего в дверях мужика с бандитской физиономией, который набивался к ней в ухажеры и так дружески-приятельски общался с начальником аэропорта, да еще признавался в любви его жене.

— Максим-то? — поразился вопросу Викторов, но тут же пришел в веселое настроение и заулыбался: — А вы, значит, не знаете?

— Нет. Не знаю. Уж извините, — отчеканила она.

— Сразу видно, что вы не местная жительница. Не из Якутии, — уточнил он. — Оно и понятно, раз

не слышали про Вольского. У нас в Якутии про него всем известно. Ну, если и не всем, то многим.

— Что, такой плохой? — тоном строгой учительницы спросила Настя.

— Такой хороший, — хохотнул Викторов и почти торжественно представил: — Вольский Максим Романович, начальник летного отряда аэродрома, — он назвал заполярный город, один из крупных в Республике Саха, — пилот вертолетных машин. Вертолетчик-универсал, гений. Таких, как он, больше нет. Работал в Арктике и по всей республике в самых сложных районах и на всех тяжелых ЧП. На его счету...

— Ну ладно, хватит! — строго оборвал хвалебную речь тот самый упомянутый герой за спиной у Насти.

— Нет, не хватит, — не согласился с ним Викторов, довольно улыбаясь. — Надо же девушке растолковать про твою героическую личность.

— Я сам растолкую, — ворчал Максим Романович. — И про героическую, и про романтическую. Пойдем мы. — По-командирски ухватив Настю за локоть, потащил он ее к выходу.

— У него, между прочим, и правительственные награды имеются! — веселился все больше Михаил Петрович.

— Идем, идем, — недовольно ворчал господин по фамилии Вольский, подвинув Настю вперед себя

и теперь тихонько подталкивая ее в спину в направлении распахнутой двери.

— Много? — сменив тон, весело поинтересовалась она, подхватив настрой начальника аэропорта и сопротивляясь нажиму ручки Вольского.

— Прилично, — протянул Виктор и начал похохатывать, глядя на их возню в дверном проеме. — Он же у нас герой известный, настоящий. Вы бы с ним поаккуратней, — повысив голос, покрикивал он, уже окончательно развеселившись, — а то умыкнет!

— А что, может? — выясняла Настя, посмеиваясь, но ее уже выталкивала из кабинета осторожно-нежно, но настойчиво сильная рука героического, как выяснилось, вертолетчика.

— Вольский-то? — переспросил Михаил Петрович, продолжая смеяться, и заверил: — Вольский все может!

И расхохотался так, что даже за дверью, которую в раздражении захлопнул Максим Романович, слышались громкие раскаты его смеха.

В полном сосредоточенном молчании они прошагали через все коридоры, повороты и лестницы. Настя испытывала какое-то душевное неудобство после своей выходки с выяснением личности мужика, оказавшегося на поверку каким-то чудо-вертолетчиком, веселым и бесшабашным, и было непонятно, почему молчал сам герой, а оттого ей становилось еще более неудобно.